

УДК 343

Иванов Андрей Викторович

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета,
Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова
zagorye@mail.ru

Потоцкий Николай Карлович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета,
Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова
n.pototsky@iile.ru

Andrei V. Ivanov

postgraduate student of the Department
of Criminal Law Disciplines of the Faculty of Law,
A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics
zagorye@mail.ru

Nikolay K. Pototsky

PhD in Law Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines, Faculty of Law,
Institute of Law named after A.S. Griboyedov
n.pototsky@iile.ru

**ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ
ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ, Т.Е.
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 174 и 174.1 УК РФ**

**THE CONCEPT AND ESSENCE OF QUALIFYING FEATURES OF MONEY
LAUNDERING, I.E., CRIMES UNDER ART. 174 and 174.1 of the Criminal
Code of the RF**

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации ст. 174 (174.1) УК РФ, дана оценка квалифицирующих признаков по степени их общественной опасности, рассмотрены нарративы ученых по совершенствованию квалифицирующих признаков легализации денежных средств или иного имущества, проведен анализ действующего законодательства и постановлений Пленумов ВС РФ, автором предложено установить минимальный порог привлечения к уголовной ответственности за легализацию, а также изменить действующие признаки и дополнить новым в ст. 174 (174.1) УК РФ с учетом представленных обоснований и пояснений.

Ключевые слова: отмывание, легализация денежных средств, полученных преступным путем, квалифицирующие признаки, с использованием своего служебного положения, цифровые активы, криптовалюта, Конвенция.

Abstract. The article is devoted to the problems of qualification of art. 174 (174.1) of the Criminal Code of the Russian Federation, the qualifying signs on the degree of their public danger are estimated, the narratives of scientists on improve-

ment of qualifying signs of money laundering or other property are considered, the analysis of the current legislation and the decisions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation is performed, the author has offered to establish a minimal threshold of bringing to criminal responsibility for legalization as well as to change the acting signs and to add new ones in art. 174 (174.1) of the Criminal Code of the Russian Federation with due consideration of the presented justifications.

Keywords: *laundering, money laundering, money laundering, qualifying signs, using one's official position, digital assets, cryptocurrency, Convention.*

Международные нормы являются стратегическим вектором развития национальных законодательств и являются генезисом новых составов преступлений. Ввиду отсутствия продолжительного опыта применения вновь образуемых составов, правоприменитель сталкивается с некоторыми сложностями и проблемами в практике их применения. Одним из таких преступлений новейшего времени является легализация (отмывание) преступных доходов.

Квалифицирующие признаки ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса (далее УК) тождественны между собой. В качестве отягчающих обстоятельств за легализацию преступных доходов законодатель предусмотрел такие как легализация, совершенная в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения, организованной группой и в особо крупном размере.

Согласно примечания к ст. 174, под крупным размером в ст. 174 и 174.1 УК предусмотрено совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, совершенными на сумму, превышающую 1 млн. 500 тыс. рублей, а в особо крупном размере - 6 млн. рублей. Более того, под соответствующие классификационные признаки подпадают не только единая операция или сделка, но и несколько финансовых операций или сделок с денежными средствами или иным имуществом, если общая сумма составит 1 млн. 500 тыс. рублей или 6 млн. рублей соответственно. Это следует из п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (далее ППВС №32), который разъяснил, что в тех случаях, когда лицом совершены две и более финансовые операции или сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными в результате совершения одного или нескольких основных преступлений, и обстоятельства их совершения свидетельствуют о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям статьи 174 или статьи 174.1 УК [1]. Исходя из этого, финансовые операции или сделки, совершенные на сумму менее 1 млн. 500 тыс. рублей подпадают под действие ч. 1 указанных статей. Однако ни законодатель, ни ВС не указали минимального порога суммы финансовой операции или иной

сделки. Отсутствие нижнего предела, по нашему мнению, нарушает ч.2 ст. 14 УК, содержание которой говорит о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

В литературе исследователями предлагается различными варианты установления минимальный порогов ответственности за легализацию. В частности, К.Э. Емцева предложила установить порог ответственности в размере 250 тысяч рублей, а сделки по легализации ниже указанной суммы ею предложено отнести к категории административного правонарушения [2]. Л. Н. Куровская предложила 300 тыс. рублей, чтобы избежать привлечения к уголовной ответственности лиц за малозначительные действия [3]. О. В. Сабанина предложила установить уголовную ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов только в случае их совершения в значительном размере, под которым подразумевается сумма превышающая 50 тыс. рублей, тем самым введя дополнительный квалифицирующий признак «доход в значительном размере» [4]. За установление такого квалифицирующего признака как значительный размер предлагает и О.А. Рыхлов, но определив значительный размер в 200 тыс руб. по движимому и 1 млн. руб. по недвижимому имуществу[5]. Безусловно, в Законе должен быть предусмотрен порог минимального размера финансовых операций или сделок по легализации преступных доходов, меньше которого уголовная ответственность должна отсутствовать, но с предложенным авторами вариантами мы не можем согласиться. Единственная сумма, которая отражена в законодательстве, это 600 тыс. рублей. Именно эта сумма установлена в ст. 6 Федерального закона РФ от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 28.07.2004 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее ФЗ-115) в качестве обязательного контроля за операциями с денежными средствами или иным имуществом [6]. И было бы логично указать ее в качестве минимального порога уголовной ответственности за легализацию. Но, тогда возникает дилемма, как быть, если в качестве предикатного преступления выступают преступления, в которых минимальные пороги меньше, чем сумма в 600 тыс. рублей? Поскольку законодателем пока не установлен минимальный порог легализации преступных доходов, мы считаем, что более правильным будет взять за отчёт минимального порога привлечения к уголовной ответственности за легализацию минимальную сумму предикатного преступления. Например, в ч.2 ст. 7.27 КоАП законодатель установил максимальную сумму мелкого хищения 2 тыс. 500 рублей, соответственно хищение выше указанной суммы будет считаться уже преступлением и квалифицироваться по соответствующим статьям УК.

Законодателем были разнесены квалифицирующие признаки крупный размер в ч.2, а совершение деяния группой лиц по предварительному сговору и лицом с использованием своего служебного положения, соответственно, в ч.3 ст. 174 (174.1) УК. Не совсем понятна логика законодателя, почему признак

крупный размер имеет меньшую общественную опасность по сравнению с признаками группой лиц по предварительному сговору и с использованием его служебного положения. Так, из анализа статей раздела УК о преступлениях в сфере экономики, можно заметить, что в некоторых статьях законодатель объединил в одной части статьи такие признаки как крупный размер и группой лиц по предварительному сговору (например, ч.2 ст. 161 (грабеж), ч. 2 ст.163 (вымогательство), ч. 2 ст. 175 (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем), ч. 2 ст. 193.1 (совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов) УК РФ), а есть примеры, в которых признак с использованием служебного положения приравнен к крупному размеру (например, ч. 3 ст. 160 (присвоение или растрата) УК РФ), тем самым, уровнях их по степени общественной опасности. Поэтому нами поддерживается мнения авторов, которые предлагают объединить ч. 2 и 3 действующей редакции ст. 174 и 174.1 УК РФ в одну часть, с целью выполнения правил юридической техники и унификации уголовных норм о легализации.

Следующим моментом, который вызывает неоднозначность и вызывает проблемы, связанные с квалификацией преступлений о легализации, является применение квалифицирующего признака «с использованием своего служебного положения». Сложность вызывает определение субъекта легализации, который использует свое служебное положение. Законодательство не содержит нормы, дающие родовое определение совершению преступления лицом с использованием своего служебного положения, что осложняет практическое применение указанных норм. Оно разработано теорией уголовного права, где под использованием лицом своего служебного положения понимается легализация денежных средств или иного имущества, заведомо приобретённых преступным путем, совершенная должностным лицом, государственным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, не являющейся государственной.

Верховный суд неоднозначно дает в своих постановлениях трактовку квалифицирующего признака использование служебного положения. Проведем анализ некоторых из них. Так, в п. 23 ППВС №14 от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее ППВС №14) указывается, что под использующим свое служебное положение лицом (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ) следует понимать как должностное лицо, так и лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами. Например, при изготовлении лекарственных препаратов таким лицом может являться провизор, лаборант, при отпуске и применении — работник аптеки, врач, медицинская сестра, при их охране — охранник, экспедитор [7]. А уже в п.29 ППВС № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее ППВС №

48) под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты уже понимаются должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно- распорядительные или административно- хозяйственные обязанности в коммерческой организации) [8].

Согласно примечания к ст. 285 УК под должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно- распорядительные, административно- хозяйственные функции только в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях и компаниях. В примечании ст. 201 УК выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно- хозяйственные функции в этих организациях.

Как мы видим, в ППВС №14 лицо должно просто обладать трудовой функцией, т.е., согласно ст. 57 ТК, выполнять работу по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы. А уже в ППВС №48, лицо должно только обладать функциями должностного лица или выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. По нашему мнению, в ППВС № 14 ВС был ближе к истине, поскольку достаточно конкретизировал понятие служащего. Под служащим понимается лицо, которое работает по найму в области умственного, нефизического труда [9]. Как следует из трактовки, здесь нет ссылки на то, что служащий должен обладать административными, руководящими или иными функциями и состоять на государственной или иной должности.

Применительно к легализации преступных доходов ВС принимал постановления дважды. Первым было Постановление от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (далее ППВС № 23), в п. 23 которого под лицами, использующими свое служебное положение (пункт "б" части 3 статьи 174 и пункт "б" части 3 статьи 174.1 УК РФ) понимались должностные лица, служащие, а также лица, осуществляющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях [10]. В последующем ППВС № 32, которое отменило ППВС №23, ВС заузил разъяснение такого квалифицирующего

признака как использование своего служебного положения, указав применительно лишь к государственному регистратору и нотариусу, тем самым поставив перед правоприменительной еще больше вопросов. Не понятно, как быть с квалификацией, если легализация преступных доходов происходит, например, обычным продавцом антикварного магазина или рядовым сотрудником тотализатора? Какие организационно-распорядительные, управленческие или административно-хозяйственные функции, они несут?

Директива Европейского Парламента и Совета (ЕС) от 20.05.2015 г. № 2015/849 «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении Регламента (ЕС) 648/2012 Европейского Парламента и Совета ЕС и об отмене Директивы № 2005/60/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС и Директивы № 2006/70/ЕС Европейской Комиссии» (4-я Директива ЕС) предусматривает конкретный перечень лиц, которые в результате своей профессиональной деятельности могут быть причастны к легализации преступных доходов. К ним относятся: аудиторы; бухгалтеры-ревизоры; налоговые консультанты; нотариусы; независимые юристы (адвокаты), если они участвуют в каких-либо финансовых сделках или сделках с недвижимым имуществом, независимо от того, представляют ли они своих клиентов или нет, либо если они содействуют планированию или осуществлению сделок своих клиентов; агенты по недвижимости; лица, занимающиеся торговлей товарами; организаторы азартных игр; провайдеры, занимающиеся услугами по обмену между виртуальными валютами и фиатными валютами; поставщики хранилищ кошельков; лица, хранящие, торгующие или выступающие в качестве посредников в торговле произведениями искусства [11]. Перечисленные выше специальности не обладают организационно-распорядительными, управленческими или административно-хозяйственными функциями и при буквальной трактовке уголовных норм легализации выпадают из числа субъектов легализации с квалифицирующим признаком использования своего служебного положения. Указанный выше перечень лиц, вследствие своей деятельности, обладают определенными навыками, знаниями и возможностями, которые они могут использовать при совершении преступлений, связанных с легализацией. Не учет квалифицирующих признаков, в данном случае использования лицом своего служебного положения, ведет к недооценке степени общественной опасности и, как следствие, объема вины. Для восполнения данного пробела в части касающейся, нами предлагается дополнить в ст. 174 (174.1) УК квалифицирующий признак как «использование своего служебного положения» дополнительной формулировкой «...или при осуществлении своей профессиональной деятельности».

В литературе можно встретить большое разнообразие предложений некоторых авторов по совершенствованию квалификации уголовных норм о легализации преступных доходов в виде дополнительных признаков, сопряженных с предикатным преступлением. Среди них, например, совершение легализации в целях финансирования акта терроризма или террористической организации, а равно иной преступной деятельно [12]; совершение

легализации с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными в результате преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [13]; совершение деяния с использованием оффшоров [14] или заведомо носящее транснациональный характер (с иностранным элементом) [15]. Такой подход авторов мотивирован повышенной степенью общественной опасности преступлений и имеющейся аналогичной практикой в уголовных законодательствах зарубежных стран. Мы не совсем согласны с позицией авторов, предлагающих криминализировать статьи о легализации дополнительными квалифицирующими признаками виде ссылок других составов. По своей природе легализация преступных доходов является прикосновенным преступлением, т.е. является производным от основного. Сами по себе такие составы как совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст.193.1 УК), незаконный оборот наркотических и психотропных средств (ст. 228, 228.1 УК), содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК) являются основными и тяжкими составами, за которые предусмотрено отдельное наказание, поэтому будет совсем не логично, если они выступят в роли квалифицирующих признаков у прикосновенного состава. В таком случае, с учетом действующей в РФ системы наказаний, наказания за указанные составы преступлений поглотят наказание за легализацию, что деструктивно отразится на расследовании уголовных дел, поскольку расследование уголовных дел о легализации отойдет на второстепенный план, в связи большой нагрузкой по доказыванию такого рода преступлений и значительной временной затратой, за который обвиняемый не понесёт фактического наказания, а это уже отрицательно скажется на ПОД и выполнении РФ своих обязательств, принятых по Конвенциям ООН и Совета Европы в части касающейся легализации (отмывании) преступных доходов.

Существует и другая, противоположная точка зрения, отличающееся от вариантов, предложенных выше авторами. Так, Л. Н. Куровская предложила сделать легализацию в качестве квалифицирующего признака к некоторым составам преступлений: «...установление уголовной ответственности в отношении лица, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, не согласуется с принципом *Nemo debet bis puniri pro uno delicto* и не отвечает принципу индивидуализации ответственности. Выходом из создавшегося положения, по мнению диссертанта, могло бы быть внесение в составы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, оружия, коррупционной направленности, такого квалифицирующего признака, как совершение действий, указанных в диспозиции этих норм, сопряженных с легализацией (отмыванием) полученных доходов» [3, с. 69]. Такая позиция представляется нам одиозной и мы критически относимся к ней, в связи с тем, что легализацию преступных доходов можно детерминировать как конвенционное преступление, парадигма объективной стороны которого довольно объемна и по правилам законодательной техники ее невозможно описать одной трактовкой в виде квалифицирующего признака, на что в дальнейшем потребуется

дополнительное разъяснение ВС РФ и излишнего комментария к УК, что деструктивно скажется на практическом применении данной нормы.

Тенденциями современного развития являются новые технологии, которые задают стратегический вектор развития во всех областях современного мира. Не отстает от этих технологий и преступный мир. Одним из таких изобретений является цифровые технологии, а как производные - darknet и криптовалюта (виртуальная валюта), с помощью которых в современном мире совершается достаточное количество преступлений, в том числе легализация (отмывание) преступных доходов. Криптовалюта (биткоин, альткоины и токены) делают финансовые услуги независимыми от контролирующих и регулирующих органов, банков. Операции по их использованию носят анонимный характер, что привлекает к ним преступный мир и дает возможность использования в противоправной деятельности. Использование криптовалюты представляет особую угрозу при использовании ее в финансировании терроризма, в коррупционных преступлениях, поскольку правоохранительные органы фактически лишены возможности установления бенефициаров, отправителей и получателей платежей, также представляет угрозу краха финансовой системы, поскольку не имеет контроля со стороны финансового регулятора.

О наличии общественной опасности совершения преступлений с использованием криптовалюты отмечается и в Публичном отчете Росфинмониторинга «Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов 2017-2018 гг.», в котором в частности, отмечено, что криптовалюты используются при легализации преступного дохода, полученного от незаконного оборота наркотических средств [16]. Анонимность расчетов с использованием криптовалют повышают ее популярность среди преступного элемента при совершении экономических преступлений и преступлений коррупционной направленности, поскольку усложняет процесс доказывания по делу.

Использование виртуальных валют вошло в группу высокой оценки рисков. Суммируя и оценивая вышеизложенное, можно утверждать о том, что преступления, совершенные с использованием криптовалюты носят общественно опасный характер и наносят существенный урон экономике страны. На основании изложенного, мы предлагаем дополнить ст. 174 (174.1) УК таким квалифицирующим признаком как совершение легализации с использованием цифровых финансовых активов (криптовалюты).

Подводя итоги вышесказанному, с целью унификации уголовного законодательства в части легализации преступных доходов, нами предлагается:

1. установить минимальный порог привлечения к уголовной ответственности по ст. 174 (174.1) УК соответствующий предикатному преступлению 2500 руб.;
2. с целью выполнения правил юридической техники и унификации уголовных норм о легализации, объединить ч. 2 и 3 действующей редакции ст. 174 (174.1) УК в одну часть;
3. изменить квалифицирующий признак «использование своего служебного положения» на формулировку «использование своего служебного положения или при осуществлении своей профессиональной

деятельности»; 4. дополнить ст. 174 (174.1) УК таким квалифицирующим признаком как совершение легализации с использованием цифровых финансовых активов (криптовалюты).

Литература:

1. БВС. Сентябрь 2015. № 9.

2. Емцева, К.Э. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2016. С.9.

3. Куровская, Л. Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия легализации преступных доходов: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2004. С.10.

4. Сабанина, О. В. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2004. С. 9,10.

5. Рыхлов, О.А. Ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, по уголовному законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2007. С. 10,11.

6. *Собрание законодательства РФ*. 13.08.2001 г. № 33. Ст. 3418.

7. БВС. Август 2008 г., №6.

8. БВС. Февраль 2018 г., №2.

9. *Большой академический словарь русского языка* // Гл. редактор Герд А.С. М.-СПб. Наука. РАН. 2019. В 30 т. Т.26. С.263.

10. *Российская газета (федеральный выпуск)* 07.12.2004 г.

11. *Официальный Журнал ЕС*, № L 141, 5.6.2015, стр. 73.

12. Кузахметов, Д. Р. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С.11.

13. Муксинова, А.Ф. Легализация доходов, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков, в зарубежном уголовном законодательстве // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2018. № 2 (32). С. 238-245.

14. Варфоломеева Л.Н., Рудых Е.С., Игнатьева И.В. Противодействие отмыванию денежных средств // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2019. № 4 (38). С. 120.

15. Букарев, В. Б. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: общественная опасность и вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С.11.

16. URL: <http://www.fedsfm.ru/> (Дата обращения: 19.01.2021 г.).

references:

1. BVS. September 2015. no. 9.

2. Emtseva K.E. *Counteraction to legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means: criminal law and criminological aspects: abstract of thesis. Cand. in Philosophy of Law. Krasnodar. 2016. C.9.*
3. Kurovskaya, L. N. *Criminal and legal problems of counteraction to legalization of criminal proceeds: diss. D. in Law. M. 2004. C.10.*
4. Sabanina, O. V. *Criminal liability for the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means: diss. Yekaterinburg. 2004. C. 9,10.*
5. Rychlov, O.A. *Responsibility for legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means under the criminal legislation of Russia: autoref. diss. Candidate of Jurisprudence. Chelyabinsk. 2007. C. 10,11.*
6. *Collection of Legislation of the Russian Federation. 13.08.2001 г. № 33. Art. 3418.*
7. *BVS. August 2008, № 6.*
8. *BVS. February 2018, no. 2.*
9. *The Big Academic Dictionary of the Russian language // Editor-in-chief Gerd A.S. M.-SPb. Nauka. RAS. 2019. In 30 vol. VOL. 26. P. 263.*
10. *Rossiyskaya Gazeta (federal issue) 07.12.2004.*
11. *Official Journal of the EU, No. L 141, 5.6.2015, p. 73.*
12. Kuzakhmetov, D. R. *Legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means: issues of theory, legislative regulation and practice: autoref. diss. Candidate of Jurisprudence. Kazan, 2006. C.11.*
13. Muxinova A.F. *Legalization of proceeds acquired as a result of illicit drug trafficking in foreign criminal legislation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2 (32). C. 238-245.*
14. Varfolomeeva L.N., Rudykh E.S., Ignatyeva I.V. *Counteraction to money laundering // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2019. № 4 (38). C. 120.*
15. Bukarev, V. B. *Legalization (laundering) of proceeds acquired by criminal means: public danger and issues of qualification: autoref. diss. Candidate of jurisprudence. M., 2006. C.11.*
16. URL: <http://www.fedsfm.ru/> (Date of reference: 19.01.2021).